

Молчанов Б. А.,

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета
Российского университета дружбы народов*

Робак В. А.,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Крымского института права
Национального университета «Одесская юридическая академия»*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПО ПРОБЛЕМАМ ВМЕНЯЕМОСТИ

Аннотация. Вопросы ответственности лиц, совершивших неправомерное деяние при наличии у них психических заболеваний, рассматриваются в теории с давних времен. В настоящее время конституционное право на свободу и личную неприкосновенность предполагает возможность каждому гражданину распоряжаться собой по собственному усмотрению. На защиту подобной независимости человека направлен принцип «свободного осознанного согласия на вторжение в сферу здоровья человека». Нередко психическое заболевание лица угрожает жизни и здоровью других лиц, поэтому в отношении него возможно применение принудительных мер медицинского характера. Правовые нормы и следственно-судебная практика, относящиеся к изоляции душевнобольных в психиатрических больницах, способам лечения и защиты, являются одним из сложнейших вопросов, который в современных условиях стал предметом острых дискуссий.

Ключевые слова: вменяемость, невменяемость, ограниченная вменяемость.

Постановка проблемы. Человек является не только биологическим, но и социальным существом, поэтому сфера охраны психического здоровья и ее правового обеспечения должна стать объектом повышенного научного интереса. Уголовный закон может распространяться только на тех, кто способен осознавать правовую значимость своего поведения адекватно требованиям закона. Для России (да и для других стран) эта проблема более чем актуальна. В стране отмечается беспрецедентный рост совершения преступлений лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Например, в исправительных колониях страны коэффициент преступности психически нездоровых осужденных составил 26,6 на 100 тыс. человек, а для психически здоровых осужденных этот показатель был в 5 раз больше – 134,7 [1, с. 147].

Изложение основного материала. История международного сотрудничества в области уголовного права и, в частности, ограниченной вменяемости, правоприменительной практики, в доктрине стран романо-германской семьи и семьи общего права имеет длительный период существования. Критическое осмысление национальных подходов к рассматриваемой проблеме позволило построить собственное видение и ввести в национальное

законодательство институт уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, устранив тем самым имевшие место пробелы уголовного законодательства, способствуя его динамическому развитию.

В настоящее время установлено, что психозы поражают не только представителей культурного человечества, но встречаются и среди примитивных племен. В самых различных местностях (даже там, где нет ни алкоголя, ни сифилиса) «дети природы», совершенно нетронутые цивилизацией, болеют, однако, артериосклерозом мозга, шизофренией, эпилепсией и дают похожие на истерию патологические реакции. Очевидно, как было и в древнейшие времена. И надо думать, что доисторическое население земного шара обращалось со своими душевнобольными приблизительно так же, как современные жители тропической Океании или сибирских тундр: агрессивные и опасные больные считались одержимыми злым духом, безобидные и тихие – почитались иногда любимцами богов; первых гнали и порой избивали, за вторыми ухаживали [1, с. 148].

Из всех нервно-психических заболеваний, уже в самые отдаленные времена, сильное впечатление производила эпилепсия. Молниеносное начало припадков, крик, потемневшее лицо, кровавая пена и судороги – все это как нельзя более подходило для сверхъестественного объяснения: грозное божество невидимым ударом бросает человека на землю; это – «божественная болезнь». Однако уже в VI веке до нашей эры существовали попытки вполне реалистического истолкования припадков. Их выразителем был великий гений Пифагор, объясняя эпилепсию заболеванием мозга. В «Собрании» Гиппократов пробиваются первые истоки психиатрических знаний.

Огромное влияние на всю последующую науку имели, однако, не только врачи, но и великие философы древности. По некоторым вопросам к ним обращались даже охотнее, чем к врачам. Так же, как и в последующие времена, – «мудрецы» казались особенно компетентными во всем, что касалось психической жизни. Платон, Аристотель, стоики внесли свою долю участия в первоначальную работу над основными понятиями о «болезнях души».

В IV веке до христианской эры афинская образованность, в силу целого ряда условий стала приходить в упадок и центр тяжести древнегреческой культуры переместился в Александрию. Здесь, на берегах Нила, получи-

ли дальнейшее развитие научные идеи, когда-то возникшие в греческой метрополии. К сожалению, мы не знаем, имел ли какое-нибудь отношение к психиатрии знаменитый музей, основанный Птоломеем Филадельфом, – настоящий университет с четырьмя факультетами, – или Серапейон, в котором помещался госпиталь и читались медицинские лекции. Предание говорит нам о пышном расцвете анатомии, которая изучалась на человеческих трупах.

Познание нервной системы – одно из главных достижений александрийской врачебной науки. Но нам неизвестно, существовала ли в древней столице Египта какая-нибудь организация помощи или призрения душевнобольных и каковы были взгляды, например, того же Эразистрата на психические заболевания? Но зато возвышается крупная фигура Цельса, первого римского писателя по вопросам психиатрии. Есть основание предполагать, что в его сочинениях отразилась значительная часть не дошедших до нас александрийских подлинников.

2. Меланхолия – второй вид безумия, которое овладевает человеком на более долгое время, начинается почти без лихорадки, а потом дает легкие припадки последней.

3. Третий вид безумия – самый длительный из всех. Эта болезнь проявляется в двух видах: во-первых, человек могут обманывать восприятия; во-вторых – мысли.

В западноевропейской и русской литературе исследования посвященные данному вопросу начались чуть более полутора веков назад, но одни из первых рассуждений на эту тему были сформулированы ещё в диалогах Платона. Платон, в своем известном труде «О государстве», пишет: «Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем разумным началом души, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду, бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом неразумным и вожделеющим, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений» [2, с. 73-74].

История вопроса об ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, не может быть рассмотрена в отрыве от истории понятия невменяемости. Вопросы о том, что движет человеком при совершении того или иного деяния, в чем заключается источник вины, дилемма между социальным и биологическим на протяжении длительного исторического времени были основными в рассуждениях философов, богословов, правоведов, психологов и психиатров, что находило отражение и в законодательстве, и в практике его применения.

Аристотель первым выделил психическое как особый предмет рассмотрения, доказывая неразрывность души и тела, считая, что человеку, в отличие от других живых существ, присущ ум, который является определяющим его поступков. Еще с Платона и Аристотеля началось противопоставление биологического социальному, что привело к различным построениям системы профилактических и защитных мер, объединяемых вместе с тем единым стремлением – благо, милость.

В зависимости от приоритетов соотношения биологического и социального строилась система взглядов на ответственность, наказание, меры социальной защиты, теории опасного состояния и виновной ответственности.

Это противопоставление воплотилось в философской науке в фантастических образах эйдолонов и ксинедринов. Эйдолоны (от греческого – «умелый») – некие органические машины, мышление и поведение которых генетически запрограммировано; ксинедрины – мышление и поведение полностью создается внешней средой.

Античная правовая мысль нашла непосредственное выражение в римском праве, в частности в деликтном и уголовном праве, для которого воля была определяющим критерием. Римские юристы подготовили в этой области понятийный аппарат, которым охватывались общие понятия вины, умысла, неосторожности, невиновного причинения вреда, причем каждому из основных терминов сопутствовали смежные, «оттеночные». Например, большая небрежность и грубая вина, означавшая чрезвычайную небрежность, т. е. непонимание того, что все понимают. Высшей степенью виновности признавался злой умысел, он предполагал сознательное и умышленное совершение преступного деяния, знание всех его аспектов и неблагоприятных последствий.

Таким образом, именно римскому праву мы обязаны существующей до настоящего времени теорией о том, что противоправность деяния не рассматривается в качестве обязательного элемента умышленной вины. При всех достижениях римского права в области теории вины утверждению принципа субъективного вменения препятствовали институты, допускающие возможность частного уголовного преследования и устрашающего возмездия, несоизмеренного вине.

Вопрос об освобождении душевнобольных от наказания длительного времени не рассматривался, несмотря на то, что одна из первых известных истории законодательных формулировок освобождения безумных от наказания за убийство была закреплена в Дигестах Юстиниана (VI в.): «достаточно, что он наказан безумием» [3, с. 399], а при определении меры ответственности рекомендовали принимать во внимание факт психического расстройства субъекта [3, с. 172].

В начале XIV в. в англосаксонском праве была сформирована норма о неответственности психически больных за преступления, и к ним могло применяться королевское помилование, а в Уголовном уложении Карла Пятого (1432 г.) – «Каролине» рекомендовалось в случаях преступления заведомо невменяемого запрашивать «совета у компетентных учреждений и знатоков права», как с таким лицом поступить, но освобождение психически больных от уголовной ответственности было скорее исключением, чем правилом.

В. Блекстоун в 1776 г. сообщает, что во время кровавого правления в Англии Генриха Восьмого был издан статут о том, что любой, виновный в высокой измене, хотя бы в преступлении и проявилось помешательство, подлежит каре так, как если бы он пользовался способностями разума. Аналогичные подходы были характерны и для системы феодального правосудия во Франции. В более полном виде идеи личностного подхода к делинквенту нашли в работах французских просветителей.

Теоретические исследования применительно к уголовному праву нашли отражение в законодательстве и правоприменении сравнительно поздно. Для научно обоснованного анализа влияния психических аномалий

на человеческое поведение, в том числе в сфере уголовно-правового регулирования, необходимо длительное накопление практического опыта, его обобщение рядом научных дисциплин и их воплощение в законотворческой деятельности.

Существенное влияние на формирование концептуальных положений о человеке, как социальной ценности, оказали труды ученых-энциклопедистов Вольтера, Руссо, Монтескье, Дидро и других, американского философа и политического деятеля Франклина. Наказание, понимаемое в широком смысле как принуждение вообще, появилось и развивалось одновременно с человечеством. Давно установлено, что история не знает человека без обычаев или законов, касающихся преступлений и наказаний. Общество без наказания никогда не существовало: «И прежде чем в человеке блеснула первая искра уразумения, почему и для чего существует наказание, оно давно уже существовало и действовало» [4, с. 207].

Выводы. Изложенное позволяет указать, что, наверное, Аристотель стал первооткрывателем положения в том, что сформулировал взаимозависимость между добровольностью и виновностью. Он рассматривал и интеллектуальные, и волевые типы психических расстройств в качестве полезных для законодателя, при поощрениях и наказаниях. Двухединный подход Аристотеля к природе ненамеренного действия был воспринят и ранними английскими юристами – такими, как Брэкстон, Ламберд и Далтон, идентифицировавшими познание и волю в качестве элементов ответственности. Брэкстон, первый средневековый юрист, поднявший тему невменяемости в уголовном праве, предположил, что «будет и волеизъявление – отличительным признаком преступления».

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что вопросы ответственности и неотвеченности при совершении преступления в состоянии невменяемости рассматривались еще в глубокой древности и закрепление соответствующих норм в современном правовом государстве является исторически обусловленным шагом современного законодателя.

Литература:

1. Алиханов Р.А. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Алиханов Р.А. – М., 2005.
2. Морозов Г.В., Лунц Д.Р., Фелинская Н.И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии / Морозов Г.В., Лунц Д.Р., Фелинская Н.И. – М. 1976.

3. Аристотель. О душе. Соч. в 4-х томах. Т. 1. 1976.

4. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая / Кистяковский А.Ф. – Киев, 1882.

Молчанов Б. А., Робак В. А. Теоретичні підходи становлення та розвитку кримінального права по проблемам осудності

Анотація. Питання відповідальності осіб, які вчинили неправомірне діяння при наявності у них психічних захворювань, розглядаються з давніх часів. У сучасності конституційне право на свободу та особисту недоторканність передбачає можливість кожному громадянину розпоряджатися собою на свій розсуд. На захист подібної незалежності людини спрямований принцип «вільної свідомої згоди на вторгнення у сферу здоров'я людини». Нерідко психічне захворювання особи загрожує життю та здоров'ю інших осіб, через те відносно нього можливе застосування примусових заходів медичного характеру. Правові норми та судово-слідча практика, що відносяться до ізоляції душевнохворих у психіатричних лікарнях, способах лікування та захисту, являються одним із найскладніших питань, яке в сучасних умовах є предметом гострих дискусій.

Ключові слова: осудність, неосудність, обмежена осудність.

Molchanov B., Robak V. Theoretical approaches of becoming and development of criminal law on the problems of responsibility

Summary. The questions of responsibility of persons accomplishing illegal acts at presence of for them psychical diseases are examined in a theory from old times. Presently a constitutional right on freedom and bodily security supposes possibility to every citizen to dispose of itself at discretion. To defence of similar independence of man principle of the «free realized consent is sent to intruding in the sphere of health of man». Quite often the psychical disease of person threatens to life and health of other persons, therefore in regard to him application of the forced measures of medical character is possible. The legal norms and inquisitional-judicial practice, related to the isolation mentally ill in funny houses, to the methods of treatment and defence, are one of the most difficult questions, which in modern terms became the article of sharp discussions.

Key words: responsibility, diminished responsibility, limited responsibility.